

нужно, так как делать это надо было 30–40 лет тому назад, когда дети знали язык еще до школы. Между тем опыт многих народов показывает, что именно преподавание национального языка в школе, развитие национальной письменности, публикация фольклорных материалов, издание учебных и методических пособий, словарей, создание экспериментальных классов, детских языковых лагерей и площадок и другие меры в данном направлении способны резко затормозить процесс языковой ассимиляции и оказать влияние на рост этнического самосознания. Для осуществления подобных программ необходимы, конечно, и усилия Центра, и воля местных властей, а убедить последние в необходимости осуществления данных программ должны как раз результаты исследований В.П. Кривоногова, которые свидетельствуют о том, что 24,7% чулымцев, 52,1% энцев, 68,1% тофалар, 70,1% кетов, 79,5% нганасан выступают за введение в школьную программу родного языка. Если в этой ситуации не принимать никаких мер, то уже через пару десятилетий нам придется лишь наблюдать, как будут оправдываться самые мрачные прогнозы.

В заключении содержатся обобщающие выводы по всем разделам, соединяются показатели по отдельным этническим признакам, что позволяет наглядно продемонстрировать сходства и различия в развитии этнических процессов у исследуемых народов. Среди этнических процессов у всех малочисленных народов Средней Сибири ведущими, определяющими этническое развитие этих народов автор считает ассимиляцию. Особенно быстро у всех народов идет языковая ассимиляция; исчезают целые пласты духовной культуры. Значительной трансформации подверглась и материальная культура, в первую очередь жилище, сокращается использование национальной одежды.

Сохраняются прежде всего национальная пища (видимо, в ближайшее время полное исчезновение ей не грозит ни у одного народа) и традиционные занятия, особенно рыболовство и охота. К факторам, препятствующим ассимиляции, автор относит компактную форму расселения, ведение традиционного хозяйства, изоляцию от пришлого населения. В настоящее время действие этих факторов сходит на нет.

В.П. Кривоногов отмечает, что быстро и радикально меняется антропологический облик исследуемых народов, которые превращаются в смешанные популяции.

Автор дает крайне неблагоприятный прогноз будущего развития. Кратко его можно сформулировать следующим образом: ассимиляционные процессы зашли слишком далеко, повернуть их вспять практически невозможно. На наш взгляд, в этом выводе преобладает подход к ассимиляционным процессам как к явлению линейного характера. Факты стабильной на протяжении длительного времени численности этих народов, даже при наличии большого количества метисов, и сохранение четкого этнического самосознания хотя и фиксируются, но оставляются автором как бы в стороне.

Проблема ассимиляции весьма сложна и дискуссионна. Нам кажется, что уже давно назрела необходимость разработки новых концептуальных подходов к изучению современных этнических процессов, сравнения этих процессов у различных народов (т.е. по существу выявления факторов, определяющих развитие этнических процессов), совершенствования методов прогнозирования и т.д. В этом плане монография В.П. Кривоногова является очень интересным, многоаспектным, ярким и неординарным исследованием, сочетающим этнографические и социологические методы, решающим серьезные проблемы, сделанным на высоком профессиональном уровне.

Т.Б. Смирнова

© 2000 г., ЭО, № 4

О.Р. Хромов. Русская цельногравированная лубочная книга (Исследование по истории книжной культуры и технике производства). М., 1998. 219 с.

Рецензируемая книга – первое монографическое исследование русской лубочной цельногравированной книги, раскрывающее процесс изготовления подобных книг, их технику производства и место в народной художественной культуре. Это серьезный и глубокий по замыслу научный труд, стоящий на уровне современной научной мысли, основанный на многолетних кропотливых разысканиях в архивах и библиотеках, в музеях и рукописных собраниях. Следует подчеркнуть, что цельногравированная лубочная книга в отличие от печатной исследована специалистами очень слабо, и монография О.Р. Хромова существенно восполняет «белое пятно» в изучении книжной культуры.

Первая глава рецензируемой книги посвящена историографическим проблемам лубка в целом (а не только его части – цельногравированной лубочной книге). Она написана со знанием дела, учтены, подробно проанализированы и верно оценены все крупные и основополагающие работы предшествовавшего времени. Глава послужит хорошим подспорьем для всех, кто заинтересуется лубочной книгой во всех ее модификациях. Особенно интересен раздел, посвященный истории терминов «лубочная картина» и «лубок». Можно согласиться с автором в его понимании этих до сих пор спорных терминов. Единственное, на что можно посетовать, – это то, что автор обошел стороной уже высказанное ранее толкование различных значений, вкладываемых в термины «лубочный лист» и «лубочная картинка». Хотя обе эти разновидности лубка анализируются в монографии, но они никак автором не различаются. А ведь это разные понятия, в чем легко убедиться при их рассмотрении.

Лубочные листы – такой тип лубка, который содержит только один рисунок и краткий текст (подпись) под ним. Это может быть портрет либо просто сюжетный или видовой рисунок также с подписью (например, часто встречающееся изображение монастыря). Бывают и листы-иллюстрации – например, до нас дошли такие гравированные листы конца XVII – начала XVIII в., как «Баба-Яга дерется с крокодилом» или «Кот сибирский». Подобные развлекательные листы служили своеобразным украшением жилища. Простые, примитивные, понятные и неграмотному зрителю, они служили не для чтения, а для развлечения.

В процессе эволюции лубка, когда усложнялась техника его изготовления, росло мастерство резчиков, повышались требования потребителей лубка, лубочный лист начал постепенно превращаться в лубочную картинку. В ней иллюстрация занимала уже не весь лист, а от его половины до одной трети, остальное пространство было заполнено текстом. Вначале текст играл чисто служебную роль, поясняя лишь то, что было изображено на картинке. При том сама картинка была еще единой, нерасчлененной. На ней, как на древнерусской миниатюре, изображалось несколько событий сразу, а их последовательность излагалась в тексте. Затем иллюстрация начала постепенно дробиться в самостоятельные сюжеты (клейма), число которых всегда было четным. Текст к каждому сюжету писался отдельно. Число клейм составляло 4, 8, 16, 32. Все они размещались на одном листе бумаги, текст и иллюстрации отпечатывались на одной стороне большого листа, и в таком виде лубочная картинка вешалась на стену. Такие цельногравированные лубочные картинки существовали и бытовали в народе с XVIII до середины XIX в., когда они были вытеснены литографированными картинками (последние в свою очередь бытовали до начала XX в.).

Лубочная картинка не вытеснила лубочный лист, а существовала параллельно с ним: оба вида обслуживали разные слои потребителей. Один предназначался для неграмотной или малограмотной прослойки общества, другой – для тех, кто уже освоил хотя бы самые начальные азы грамотности.

Позже цельногравированная лубочная картинка стала превращаться в цельногравированную лубочную книжку, которой в основном и посвящено рецензируемое исследование. Именно этот начальный этап эволюции лубочного листа через лубочную картинку в лубочную книгу и обойден О.Р. Хромовым, хотя, судя по историографии, он был хорошо знаком автору. Возможно, это связано с тем, что главный объект его исследования – цельногравированная лубочная книга, а не предшествовавшие ей формы лубка. Однако в целях освещения полной картины эволюции лубка было бы целесообразно подробнее остановиться на этих первоначальных формах, тем более что в тексте книги они рассматриваются и анализируются.

Интересна и богата содержанием методологическая и источниковедческая вторая глава монографии. В ней особенно информативен раздел, посвященный обзору источников исследования. Он наглядно показывает, какую поистине титаническую работу проделал автор по выявлению, сбору, описанию и характеристике выявленных им цельногравированных лубочных книг, справедливо названных им свидетелями прошлого, несущими на себе отпечаток породившей их эпохи.

Третья глава монографии посвящена проблеме происхождения цельногравированной лубочной книги в России и ее развитию в XVIII–XIX вв. В четвертой главе «Процесс изготовления цельногравированных лубочных книг» автор раскрывает формы изучаемых им книг, их технику изготовления, стилистические особенности, эволюцию и классификацию. В отличие от общепринятой классификационной терминологии (тип – род – вид и т.д.) автор считает высшей классификационной единицей вид, который и делится им на типы, варианты и т.д. Конечно, любая классификационная терминология условна, однако желательнее объяснить, чем вызван выбор того или иного классификационного термина.

Одна из самых интересных для историка и этнографа пятая глава книги «Цельногравированная лубочная книга и общество» рассказывает о цензуре лубочной продукции, раскрывает проблему «народного вкуса» применительно к внешнему виду цельногравированных лубочных книг и рассматривает их как явление народной художественной культуры. В этой главе автор развивает добытые Т.А. Ворониной факты и

положения о цензуре лубочных изданий¹, приводит интересные сведения о стоимости гравированных книг и, наконец, показывает цельногравированную лубочную книгу как явление народной художественной культуры. Весьма важны приводимые автором владельческие записи на книгах, раскрывающие среду их бытования, отношение народа к цельногравированной лубочной книге, показывающие эту книгу как источник творчества народных мастеров художественных промыслов и иконописцев.

Подводя итоги своего исследования, О.Р. Хромов приходит к выводу, что цельногравированная лубочная книга представляет собой род книжного искусства (наряду с книгой рукописной и печатной), тесно связанный с народным искусством. Оставляя в стороне официальную, научную и профессионально-учебную цельногравированную книгу, автор все свое внимание сосредоточивает на книге лубочной, выделяя такие ее виды, как синодик, сказки, описание Иерусалима и прочие книги. Автор совершенно справедливо рассматривает цельногравированную лубочную книгу как этап в развитии культуры от средневековья к новому времени и как условие появления современных народно-массовых изданий. За пределами своего исследования О.Р. Хромов сознательно оставляет проблемы взаимосвязи лубка с классической русской литературой XIX–XX вв. и влияния лубка на художественную культуру нового времени и на книгу этого периода. Дальнейшую задачу работ в этой области автор видит в составлении свода русской цельногравированной лубочной книги в собраниях России и других стран на основе единой методики описания и такой классификации, которая позволит каждый новый экземпляр книги поместить в положенное ему место.

Книга хорошо издана, содержит 55 иллюстраций (в том числе и цветные). Правда, в книге отсутствует ставший уже привычным в научных изданиях именной указатель. Жаль только, что «обложечное» название книги («Русская лубочная книга XVII–XIX веков») оказывается гораздо шире ее истинного содержания: ведь автор совсем не рассматривает *печатную* лубочную книгу, составляющую главный массив лубочной литературы XVIII–XX вв. Видимо, желая избавиться от пространного, трудночитаемого и непонятного массовому потребителю термина «цельногравированная лубочная книга», оформитель рецензируемой книги В.Ю. Яковлев и ее автор волей-неволей дезинформируют рядового читателя относительно истинного содержания этого интересного и заслуживающего самой высокой оценки исследования.

Примечание

¹ См.: *Воронина Т.А.* Русский лубок 20–60-х годов XIX в.: производство, бытование, тематика. М., 1993 и рецензию на эту книгу: *Пушкарёв Л.Н.* Т.А. Воронина. Русский лубок... // *Этнограф. обозрение.* 1995. № 3. С. 167–169.

Л.Н. Пушкарёв

© 2000 г., ЭО, №4

Фольклор удэгейцев. Ниманку, тэлунгу, ехэ. Сер. «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Т. 18. Новосибирск, 1998. 560 с.

Рецензируемая книга представляет собой очередной том серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», издаваемой с 1990 г. коллективом научных учреждений Сибирского отделения РАН. Выход в свет издания удэгейского тома серии, второго по счету из томов, посвященных фольклору малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока, – удачный повод не только для того, чтобы обозреть столь монументальную публикацию фольклора удэгейцев, но и для обсуждения проблемы тактики и стратегии собирания, изучения и публикации образцов устного народного творчества народов Крайнего Севера.

Новый том включает 41 сказочный текст, 19 текстов преданий, 14 образцов песенного творчества удэгейцев, представленные вниманию читателей и исследователей на удэгейском языке и в русском переводе. В качестве приложения опубликованы 50 кратких текстов на русском языке – фольклорные материалы, записанные у удэгейцев в начале XX в. В.К. Арсеньевым (с. 428–515). Эти материалы снабжены объемной и содержательной вступительной статьей и примечаниями, подготовленными М.М. Хасановой.

Во вступительной статье «Удэгейские ниманку, тэлунгу, ехэ» (авторы Е.П. Лебедева, М.М. Хасанова,